

Ольга Ярошинская

Ольга Алексеевна Ярошинская

Бесценная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73347923

SelfPub; 2026

Аннотация

Ее называют бесценной дочерью короля, а его – проклятой вороной.

Она росла в дворцовой роскоши, он – в старой башне на краю света.

У нее было предназначение, у него – один только ветер в крыльях, а еще желание отдать долг той, что спасла ему жизнь.

Но все, что казалось важным, разбивается вдребезги, срываются маски, трещат устои, и золото превращается в фальшь. Остается только самое главное. И кошка.

Содержание

Глава 1. Крылатый	4
Глава 2. Отъезд	12
Глава 3. Похищение	19
Глава 4. Гости	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ольга Ярошинская

Бесценная

Глава 1. Крылатый

У каждого есть предназначение, и Лите тут повезло – свое она знала с детства. Она словно плыла по течению теплой и чистой реки, но лодочка ее жизни вдруг попала в стремнину. И сейчас, стоя с сестрами в тронном зале, Лита испытывала непривычное для себя желание вмешаться в ход событий.

– Немыслимо! – возмущался король. – Куда смотрела охрана? Во дворец проник обычный бродяга!

Мужчина не был обычным, Лита это понимала. Высокий и плечистый, он стоял на коленях, опустив голову. При задержании незнакомец отчаянно сопротивлялся, и его черный плащ превратился в лохмотья, сквозь которые проглядывала белая кожа и красная кровь. Узкое лицо с острыми скулами, тонкий нос с горбинкой, глаза светло-серые, а волосы, рассыпавшиеся по плечам, угольно-черные – приметная внешность. Но что действительно имело значение, так это его тень, разлившаяся вокруг чужака густым чернильным пятном. Такую тень не отбрасывает обычный человек.

– Ваше золотейшество, – сказал капитан охраны, залитый вишневым румянцем. Его репутации был нанесен неизгла-

димый урон, и все понимали — он рискует и местом, и жизнью. — У него перья.

Он сдернул изодранный плащ, оголяя спину мужчины, и черные перья встопорщились на широких плечах.

Сестры загалдели точно стая сорок. Крылатые были редкостью. Говорили, они умеют повелевать птицами, ходить тенями, видеть драгоценные камни под землей. И вот один из крылатых зачем-то пробрался в королевский дворец, вошел на девичью половину, а там...

— Кем бы он ни был, он подсматривал за моей бесценной дочерью, — отрезал король, и Лита покраснела от стыда.

— Не так уж много он увидел, — небрежно бросила она, а незнакомец поднял голову, нашел Литу взглядом и так усмехнулся, что ее лицо вспыхнуло еще сильнее.

Удивительно, но он, кажется, совсем не боялся. Его руки сковали цепями, на него наставили с десятков мечей, но незнакомец не испытывал страха.

Вот Эргес Борригас, капитан охраны, был в ужасе: капли пота стекали по его пунцовому лицу и шее, и воротник голубой рубашки потемнел до синего. Стража разумно опасалась чужака, и несколько мечей вдавливались в его спину слишком сильно, впиваясь в кожу.

Лите тоже было страшно. Она боялась, что мужчину казнят, и его серые глаза навеки закроются. Она не хотела видеть его смерть.

— Казнить.

Приговор прозвучал, и Лита выступила вперед, сама того не ожидая.

– Дорогой отец, – произнесла она. – Позвольте сказать.

– Да, дитя, – ласково кивнул отец.

– Вы обещали мне подарок ко дню рождения. Все, что я пожелаю. Я хочу его жизнь, – попросила Лита, умоляюще глядя на короля.

Он был уже в годах, но сохранил ясность ума и высоко держал седую голову, увенчанную короной. Роскошные одежды, сшитые из тонкой золотой ткани, подчеркивали крепость тела.

– Зачем тебе его жизнь? – нахмурился король. – Ты можешь попросить ожерелье или корону, или бал, где сможешь танцевать со своими сестрами ночь напролет.

– Не надо его казнить, – вновь попросила она.

– Тогда... – он задумался на мгновение и небрежно махнул ладонью, увенчанной перстнями. – Отсеките ему руки.

Лицо чужака стало мертвенно бледным, будто все краски схлынули, и он вдруг превратился в черно-белый рисунок.

– Нет, – сказала она, вновь глянув на отца. – Это будет так некрасиво. Отпустите его.

– Ваше золотейшество, нельзя его отпускать, – строго сказал Эргес, бросив на нее сердитый взгляд. – Пусть она выберет другой подарок.

– Я хочу этот, – капризно сказала Лита. – И тогда, в храме солнца, вдали от вас, дорогой отец, я буду помнить вашу

доброту...

Глаза отца увлажнились, как всегда при упоминании о скорой разлуке.

– Я не могу отказать тебе, дитя, – вздохнул он. – Но и оставить его без наказания – тоже. Ты хоть понимаешь, что он мог с тобой сделать?

Лита понимала. Книжки, что попадали на девичью половину, тщательно подбирались наставницами, но Дезра умудрилась подкупить служанку, и в руки сестер попал потрепанный роман, где рыцарь пронзал свою даму копьем любви. Дама непрерывно стонала. Оно и понятно. Кому такое понравится?

– Но он ведь ничего не сделал, – смущаясь, ответила Лита.

Чужак появился из двери, ведущей в купальни, и словно застыл. Он стоял и смотрел на Литу, будто не в силах отвести взгляд. Да и копья у него с собой не было.

– Вот я, целая и невредимая, – добавила она. – А он крылатый. Значит, в нем течет древняя кровь. Жалко...

Король поднялся с трона и, спустившись по ступеням, потрепал ее за щеку.

– Ты слишком добрая, Лита, – вздохнул он, погладив ее по золотым волосам. – Но ты права – в нем древняя кровь. А это значит, что я не могу всыпать ему плетей как босяку. И отпустить без наказания – тоже. Усекновение – это своего рода честь. Признание...

– Можно и высечь! – воскликнула Лита, схватив руку ко-

роля. — Если наказание будет исполнено кем-то высокого положения.

— Я не стану махать кнутом, — поморщился он, — и не буду принуждать никого из своих приближенных.

— Тогда... я сама это сделаю, — прошептала Лита и подняла взгляд на короля. — Я ведь ваша бесценная дочь. Можно?

Лита рывком села в кровати и выдохнула. Она до сих пор помнила тяжесть рукоятки в дрожащей руке, влажной от пота, кровь, брызнувшую на подол белого платья. Наказание решили провести не откладывая, прямо в тронном зале, и мужчина не проронил ни звука.

Король хмурился, наблюдая за исполнением наказания, но выполнил ее желание: Лита получила жизнь крылатого. После отец приказал выбросить его вон за городские ворота. Она больше не видела этого мужчину, но сегодня во сне он вновь смотрел на нее серыми глазами, в которых не было страха, зато горело что-то другое, отчего у нее сжималось сердце и пересыхало во рту.

— Снова кошмар? — спросила Эмилия, сладко потягиваясь рядом.

Утренний свет струился сквозь узкие окна, и тень падала на пол цветочным узором. Все сестры спали в одной большой комнате. На трех широких кроватях у левой стены спали по две старших, на трех у правой уже просыпались младшие, по три девочки на каждой. Всего пятнадцать сестер.

– Опять крылатый снился, – призналась Лита. – Это все из-за отъезда! Так не хочется вас оставлять!

– Да брось, – не поверила Дезра, поднимая голову на соседней кровати. – Ни за что не поверю, что ты будешь по мне скучать.

– По тебе, может, и нет, – фыркнула Лита.

– Я все думаю – какая же ты балда, что попросила у отца жизнь того оборванца, – протянула Дезра, опрокидываясь на спину и задумчиво глядя на потолок. – Или он все же успел что-то сделать в купальнях? Вы целовались?

– Прекрати. А то я уйду из дворца прямо сейчас.

– И даже не попрощаешься? – искренне возмутилась Анна, садясь в другой кровати.

– Ладно, задержусь, – усмехнулась Лита. – Хочу посмотреть, кого приведут вместо меня.

Одна сестра уезжает, а значит, прибывает новая. Пятнадцать – всегда одинаковое число бесценных дочерей.

По правде сказать, они не были настоящими дочками короля. По всей стране отбирали самых красивых златовласых девочек, и он воспитывал их в роскоши, холя и лелея. А теперь, когда Лите исполнилось восемнадцать, она отправится к своим старшим сестрам, в солнечный храм, где будет прославлять мудрость и доброту короля, проводить дни в радости и веселье, ну и молиться, наверное, и помогать страждущим.

Она скучала по Тине, которая покинула их год назад, и

с нетерпением ждала встречи. А вот Дезра, которая должна присоединиться к ним через год, уже достала своими подколками.

– Будет славно провести год без тебя, – сказала Лита, вставая и направляясь в купальни.

– Аналогично, – бросила Дезра ей в спину. – Смотри, не подцепи там очередного бродягу, сестренка! Ты свой подарок уже получила, а я, если что, не собираюсь обменивать отцовскую щедрость на каких-то ободранных мужиков. Нет, я попрошу жемчужное ожерелье. Или лучше корону, с золотой сеточкой на лицо, и...

– Пусть сделают вуаль поплотнее, – буркнула Рута, одна из младших сестер. – Чтобы не было видно твой пороссячий нос.

– На себя посмотри, крыса, – не осталась в долгу Дезра. – У тебя волосы серые как рогожа. Бьюсь об заклад, отец тебя выгонит.

Такое случалось. У дочерей волосы должны быть как чистое золото. Но иногда цвет менялся с годами, вот как у Руты, тускнея или темнея, и тогда король с горечью в сердце прощался с девушкой, принимая на ее место другую.

Иногда Лита думала, что это как-то неправильно. Но с другой стороны, не так много требований к ним, бесценным: радовать глаз и не стричься. А если волосы потемнели или превратились из золота в пошлую медь, то таким нет места ни у трона, ни в солнечном храме.

Так что она вымылась, а служанки расчесали ей волосы, заплели толстую косу, и никакой чужак в купальнях не появился. Что бы там ни болтала сестра, Литта не жалела о своем решении. Но, может, отец все же сделает ей подарок на прощание?

Глава 2. Отъезд

Анна уговорила ее поиграть в бадминтон напоследок.

– Единственный достойный соперник, – ворчала сестра. – Интересно, в храме солнца есть место, чтобы играть? Через три года устроим матч.

Она печалилась из-за предстоящей разлуки, и последняя подача вышла совсем плохой – воланчик подлетел слишком высоко и застрял в решетке. Плетистые розы и клематисы густо увивали ее, и над сестрами раскинулся высокий зеленый шатер, украшенный гроздьями цветов.

– Как думаешь, это от крылатых? – спросила Лита, указав ракеткой на тонкие прутья, переплетающиеся над головой.

– От солнца, – ответила Анна. – Ты же не хочешь, чтобы твоя кожа покрылась веснушками, а волосы выгорели добела?

– Привезли! – выкрикнула Мелисса, заглянув в сад. – Привезли новую сестренку!

Девочка оказалась совсем крохой, с короткими беленькими кудряшками, обрамляющими круглое зареванное личико. Ее усадили на софу посреди спальни, и горькие рыдания разносились по всей девичьей половине.

– Ма-ма-ма-ма-ма, – тянула девочка на одной ноте, испуганно оглядываясь. – Мама!

Сестры сбились в кучу, не зная, что предпринять.

– Ее зовут Агнешка, – сказала Рута, поморщившись. – Ох, лучше б ты не уезжала, Лита, ты хоть не воешь.

Агнешка сжала маленькие кулачки и завизжала, что было сил, и слезы брызнули из-под век.

Все сестры кинулись врассыпную, а Дезра задержалась на миг и выпалила:

– Ты пока старшая, до отъезда, ты ей и занимайся.

Так что Лита осталась. А потом шагнула ближе и, сев рядом, погладила пушистые волосы. Они оказались мягкими, как цыплячий пух, подсвеченный солнцем.

Девочка сдавленно всхлипывала, и когда Лита неловко обняла ее, вдруг перебралась к ней на колени.

– Отец-король выбрал тебя своей бесценной дочерью, – прошептала Лита, перебирая ее коротенькие кудряшки. – Это большая честь и радость. Ты станешь настоящей красавицей с золотой косой.

– Анеша хочет к маме, – доверчиво призналась девочка, и ее губы обиженно задрожали.

– Давай я расскажу тебе сказку, – быстро предложила Лита. – Давным-давно, жил страшный змей, длинный как река и холодный как лед. Он все время мерз, не в силах согреться, и поэтому решил украсть солнце. Он заполз на самую высокую гору, обвил солнце своим телом и утащил в глубокую пещеру. Наступила ночь, такая долгая, что маленькие девочки вроде тебя уже и не знали, как выглядит день.

Агнешка молчала, и только ее глаза влажно блеснули.

– Но однажды родилась девочка с волосами словно солнечный свет. Звали ее... Агнешка. Захотелось ей спасти солнышко и отправилась она в логово змея. Шла она, шла, истоптала три пары башмачков, сломала три посоха, и вот пришла в пещеру, где змей обвился вокруг солнца, греясь его теплом. Агнешка спела колыбельную, и змей крепко уснул. Тогда девочка позвала воронов, и те схватили солнце когтями и отнесли на небо.

В легенде обычно говорилось просто о птицах, но Лита отчего-то решила уточнить. Виной тому черные перья на плечах мужчины, что снова явился ей во снах.

– Агнешка сплела сети из своих золотых волос, – продолжила она, – набросила на змея, и тот запутался в них навсегда. Вот так и повелось, что девушки с золотыми волосами поют в солнечном храме, чтобы змей никогда больше не проснулся и не украл солнышко. И ты, когда вырастешь, тоже отправишься в храм. Мы будем петь песни, и на наших землях всегда будет светло и тепло.

– Анеша не юбит петь, – сонно пробормотала девочка, и Лита обняла ее крепче, слегка покачивая в объятиях.

Выждав еще пару минут, она поднялась и осторожно уложила Агнешку в свою кровать – слишком большую для малышки. Передвинула подушки, загородив девочку от края. Ее губки обиженно подрагивали, но золотые ресницы оставались сомкнутыми.

– Вот по ресницам вас и определяют, – со знанием дела

прошептала наставница, появившись в спальне и тоже склонившись над девочкой. – Нужная масть.

Лита подняла на нее взгляд, и наставница отчего-то смутилась, а на впалых щеках вспыхнули красные пятна.

– Тебе пора, – добавила та.

Сестры плакали, собравшись у входа, а отец, прощаясь, подарил ей жемчужное ожерелье, обвившее шею пять раз. Как у Тины в прошлом году.

– Спасибо, отец, – поблагодарила Лита, присев в реверансе.

– Прощай, дитя, – сказал король, коснувшись губами ее лба, и крупные, как жемчужины, слезы, скатились по его щекам.

В карету ее усадил капитан охраны, и вскоре Лита поехала прочь из дворца, в котором провела всю жизнь, которую помнила. Сердце томилось от неизвестности, и Лита то и дело промокала глаза платком. Что за глупости? Ведь ее к этому готовили, в этом ее предназначение.

– Агнешка! – донесся отчаянный крик. – Отдайте мою дочь! Агнешечка!

Лита отдернула шторку и выглянула в крохотное оконце. Стражник с силой оттолкнул невысокую полную женщину, и та неловко опрокинулась на спину точно жук, но тут же снова поднялась и упрямо направилась к воротам дворца.

– Остановите! – попросила Лита, постучав в стенку кареты. – Я скажу ей, что с Агнешкой все хорошо!

Никто не услышал. Лишь Эргес подъехал к карете ближе, будто специально закрывая обзор. Лита глянула вверх и вздрогнула, заметив воронью стаю в небе. Задержав штору, откинулась на спинку сиденья.

Своей матери Лита не помнила, как и отца – его заменил король, и теперь острое горе незнакомой женщины разбило душу. А ее мама тоже плакала? Не хотела ее отдавать? Или понимала, какая честь выпала дочери?

Карета остановилась гораздо раньше, чем ожидала Лита, и дверь распахнулась, впуская безжалостно яркий свет. Зеленая лужайка, высокие деревья, цветы. Лита неуверенно прыгнула на траву, не дождавись, пока капитан подаст ей руку, и присела от неожиданности, когда на нее обрушилось небо: такое бескрайнее, голубое, со стремительным бегом облаков. Вокруг было столько места! Ни единой стены!

Охранники деловито разворачивали на траве скатерть, доставали еду: хлеб, лук, сало с розовыми прожилками. В животе заурчало от голода – за обедом ей кусок в горло не лез. Значит, сейчас они отдохнут, подкрепятся и поедут дальше.

– Руки, – скомандовал Эргес, и Лита послушно протянула ладони. Надо вымыть перед едой.

Но ее запястья вдруг обвила веревка, больно впиваясь в кожу. Лита быстро подняла взгляд на капитана, огляделась. Еще один стражник, здоровенный мужик с мордой кирпичного цвета, подошел ближе и, ухмыляясь, ущипнул ее за... то, на чем сидят.

– В этом году ладная, – одобрил он.

– Свяжи покрепче, – крикнул другой, что хлопотал у ска-
терти, – а то прошлая мне всю рожу исцарапала.

– Что происходит? – пробормотала Лита. – Я еду в храм,
как и положено. Я не сбегу.

– Куда ж ты сбежишь, – согласился Эргес. – Ну-ка, косу
ей подбери.

Красномордый сгреб волосы Литы, и Эргес снял жемчуж-
ное ожерелье с ее шеи.

– Велено вернуть, – пробормотал он, деловито складывая
ожерелье в шкатулку и пряча ее под сиденье кареты. – Ну,
парни, не против, если я первый?

Лита растерянно обвела мужчин взглядом, рванулась на-
зад в карету, но Эргес поймал ее за косу.

– Тощевата, – пробормотал он, лапая ее грудь, а потом
намотал косу на руку и потянул к земле, заставляя встать на
колени.

Он подтолкнул ее в спину, и она упала, рассадив локоть,
не успев толком выставить связанные руки. Инстинктивно
дернулась вперед, пытаясь уползти, но чужая ладонь обхва-
тила щиколотку, подтягивая назад.

– Гляди, шустрая какая, – засмеялся верзила. – Подер-
жать?

– Сам удержу, – отказался Эргес.

Он с силой потянул ее за косу, заставляя изогнуться и за-
прокинуть голову. В небе, голубом и ясном, дрожала черная

точка, и Лита сморгнула слезы.

– Я все расскажу! – с отчаянием выпалила она. – Отцу! Сестрам! Вас накажут! Это неподобающее поведение!

Сзади послышался смех, шорох одежды, и грубые пальцы впились в ее бедра.

– Непременно расскажешь, – пообещал Эргес. – Когда крылатого поймали, тоже язык за зубами не держала, помнишь? Сейчас пожалеешь об этом, бесценная.

А точка в небе вдруг стала расти, стремительно обретая широкие черные крылья, острые когти и крепкий клюв. Лошади испуганно заржали, Эргес отпустил косу, и Лита по инерции упала вперед, перекатилась на бок, попыталась обтянуть связанными руками задравшееся платье.

Что-то громко хрустнуло, и рядом с ней упал Эргес, а его голова треснула пополам, как переспевший арбуз, и по траве растеклось серое, мягкое... Крик так и застрял в груди, но зато закричал кто-то другой, и снова. А потом талию туго обвило что-то твердое, и Лита взлетела вверх как воланчик, отбитый ракеткой.

Она подняла голову, увидела черные перья, трепещущие на ветру, и потеряла сознание.

Глава 3. Похищение

Девчонка оказалась легкой, так что Корвин нес ее без труда. Он волновался, что она начнет брыкаться и вырываться, но едва взмыв в воздух, девушка обвисла тряпочкой, не подавая признаков жизни. Он даже успел испугаться, что ненадолго проткнул ее когтем, но после почувствовал, как расширяется и сужается грудная клетка.

Обморок – это даже хорошо. Не привлечет внимания воплями. Набрав высоту, Корвин пролетел через половину королевства и наконец приземлился на крышу башни. Вернув человеческий облик, наскоро оделся, подхватил девушку на руки и снес ее по ступеням на кухню.

Она все не приходила в себя, и Корвин решил сразу сделать еще одно важное дело.

Волосы. По ним ее вмиг опознают. Корвин уложил даму на стол, а сам выдвинул ящик с инструментами и взял большие ножницы. Пощелкав лезвиями, срезал путы, стягивающие тонкие запястья и бросил обрывки веревки в ведро. А когда обернулся, то увидел, что девушка пришла в себя, села и теперь с ужасом на него смотрит.

– Надо отрезать косу, – сказал Корвин. – Лучше сразу.

Она взвизгнула, с неожиданной прытью сиганула со стола и помчалась прочь.

– Куда?! – рывкнул он, бросившись за ней следом и заго-

раживая дверь.

Девчонка металась по кухне точно бешеная кошка, едва не вырвалась в коридор, но Корвин успел обхватить ее за талию и прижать к себе.

– Отпусти, – выдавила она. – Это ты! Ты тот самый крылатый!

– Да, вторая встреча тоже получилась эффектной, – согласился он. – Жизнь за жизнь. Теперь мы квиты.

– Я ехала в храм солнца! – выкрикнула она и, боднув его затылком по зубам, вырвалась из объятий и юркнула под стол.

Шикнув, Корвин схватил черпак и прижал холодный металл к губе. Наклонившись, заглянул под стол. Дама сидела там и сверкала глазами.

– Я Корвин, – представился он. – А ты?

Девушка промолчала, тараща глазища. Темно-синие, как вечернее небо. Он уж решил, что малость нафантазировал, но нет, она и правда была восхитительно хороша. Волосы растрепались, и окружали свежее личико нимбом.

– У тебя вообще есть имя? – спросил Корвин.

– Конечно, есть, – фыркнула она.

– И? – поторопил ее с ответом.

– Не твое дело, проклятый ворон! Ты украл меня, чтобы отомстить?

– Я спас тебя, дурочка, – начал сердиться он. – Ты что, не понимаешь, что бы с тобой было?

– Отлично понимаю, – отрезала она. – Я бы жила долго и счастливо в храме солнца.

– Нет никакого храма, – сказал он.

– Есть!

– Нет!

– Есть!

– Тебя собирались скормить змею!

– Ха-ха, – деланно рассмеялась она. – Думаешь я совсем ку-ку? Пока златокурые девы поют песни, змей спит!

– А то, что тебя чуть не изнасиловали на привале, как сюда вписывается? – поинтересовался Корвин. – Это такая церемония перед посвящением?

Девушка промолчала, а после спросила:

– Что это значит?

– Церемония?

– Изнасиловать.

Корвин набрал в грудь побольше воздуха.

– Пу-пу-пу, – задумчиво произнес он на выдохе. – Давай, вылезай. Надо решить вопрос с волосами, потому что утром придет Клара, а мне вовсе не хочется привлекать лишнее внимание.

– Тогда ты зря меня выкрал, – ответила девушка, приосанившись, насколько это было возможно под столом. – Потому что мой дорогой отец бросит все силы, чтобы спасти свою бесценную дочь.

– Вот тебе, конечно, мозги промыли, – вздохнул Корвин. –

Ладно, не хочешь по-хорошему...

Он присел, схватил ее за ногу, но, увидев багровый отпечаток чужой пятерни, невольно расслабил пальцы, а девушка, воспользовавшись моментом, врезала ему ногой в глаз, перевернувшись на живот и быстро поползла вперед.

– Ах ты ж бесценная, – выругался он, прижимая черпак теперь к глазу.

Надо было оставить ее связанной. Но кто же мог знать, что она начнет лягаться как лошадь?

Отбросив условности, Корвин схватил ее за щиколотку, дернул, так что девчонка растянулась на полу. Быстро уселся сверху, и дама охнула, прижатая его весом, а Корвин поднял ее косу.

– Мне очень жаль, – искренне сказал он. – Волосы у тебя роскошные, это правда. Но что лучше – быть живой и со стрижкой, или сожранной с волосами? Ответ очевиден.

Ножницы едва справлялись с толстенной косой, а дева под ним извивалась как змея и визжала.

– Позже поймешь, что это для твоего же блага, – добавил Корвин, кромсая золотистые пряди, – у нас нет выбора!

Она заорала и выгнулась с такой силой, что он чуть не свалился.

– Еще раз прошу прощения, – добавил Корвин. – Но я правда спасаю тебе жизнь. Без волос ты ему не нужна. Что за отец такой, что подбирает себе дочек одной масти, точно собак?

Девушка взвыла, когда на пол посыпались золотые пряди.

– Так он пополняет казну. Его золотейшество. Если скормить змею блондинку аккуратно перед линькой, то кожа, которую он сбрасывает, становится золотой. Ты меня слышишь? Понимаешь?

Коса толщиной в руку казалась живой – она переливалась в последних лучах солнца и блестела как настоящая драгоценность. Корвин слез с девушки, быстро отпрыгнул подальше, готовясь к очередной атаке, и спрятал ножницы в ящик, чтобы ненароком ее не поранить. Но гостья села, провела пальцами по коротким прядям и горько взвыла, спрятав лицо в ладони.

– Отрастут, – неловко сказал Корвин. – Слушай, как бы тебя ни звали, надо еще покрасить...

С краской на удивление вышло куда проще. Дама, растеряв боевой задор, только рыдала. А Корвин действовал по инструкции: прикрыл хрупкие плечи накидкой, нанес на волосы заранее заготовленную краску, прочесал пряди, чтобы цвет получился равномерным, после сбрызнул специальным раствором для стойкости и опять расчесал.

Девушка все плакала, и слезы ее не кончались. Даже когда он взял ее за руку, отвел в ванную и попросил наклониться над лоханью, она послушно выполнила его просьбу, и слезы капали вниз, смешиваясь с рыжей водой.

– Ну, как-то так, – неуверенно сказал Корвин, когда она выпрямилась. – Мне посоветовали взять рыжий, потому что

черный будет слишком заметно отрастать.

Она всхлипывала, вытирала распухший нос, и ее было откровенно жаль. Хотя стрижка открыла длинную шею и плавную линию плеч, а с таким личиком хоть с гнездом на голове ходи – все красиво.

– Давай покажу твою комнату, – предложил Корвин. – Поживешь у меня, пока не решишь, что хочешь делать дальше.

Ее плечи все вздрагивали от рыданий, и девушка позволила отвести себя в комнату, где легла на кровать, свернувшись в клубочек и обхватив колени руками.

– Это просто стресс, – неуверенно сказал Корвин. – Ты отдохни, я принесу тебе поесть. Хочешь?

Она не ответила. Но он все же собрал нехитрой снеди, принес поднос и поставил на тумбочку у кровати.

– Я чай заварил, ромашковый.

Дева смотрела перед собой и не отвечала.

– Ванная напротив, а я в соседней комнате, – сказал он. – Если вдруг что понадобится...

Гостя перевела на него взгляд, и в нем было столько ярости, что стало понятно – если она и придет, то только для того, чтобы перерезать ему глотку. Возможно, теми же ножницами.

– Утром поговорим, – добавил Корвин. – Ты успокоишься, увидишь все в новом свете...

Она вновь уставилась на стену, и ему ничего не оставалось, как уйти.

Косу он сжег во дворе. Она вспыхнула мгновенно, и золотые искры взметнулись к темному небу столбом. Корвин пошевелил угли палкой, подбросил щепок в костер, мысленно перебирая события дня и вспоминая, не совершил ли ошибок.

Но, положив руку на сердце, стоит признать, что похищение бесценной – само по себе очень большая ошибка.

Ночью он все не мог заснуть, прислушиваясь к звукам из соседней комнаты. Девушка встала, прошла. Потом тихо звякнула посуда – хороший знак, она хотя бы поела. Скрипнула дверь, и Корвин замер, ожидая, что сейчас она войдет к нему в спальню с занесенным для удара ножом. Но нет, шаги удалялись, и он, не удержавшись, вскочил и пошел за ней.

Девушка стояла на пороге, в раскрытой двери, и не шевелилась. Ночной ветер трепал ее остриженные волосы, пахло влажной травой, дымом и краской.

– Если хочешь уйти, я дам тебе теплую одежду, – сказал Корвин, и девушка вздрогнула от неожиданности, но не обернулась.

– Мне теперь некуда идти, – сказала она.

Глава 4. Гостья

С утра Корвина ждал сюрприз: гостья спала в ногах его постели, свернувшись клубочком, как котенок. Но едва он пошевелился, тут же вскочила и бросилась прочь. Дверь за ней громко захлопнулась.

– Хм, – только и смог он сказать.

Он-то понадеялся на свое животное чутье, инстинкты, а на практике вышло, что гостья запросто могла его прикончить. Но нет худа без добра – теперь он знает, что может спать спокойно. Но не знает, отчего ей вздумалось спать с ним.

– Кровать неудобная? – спросил Корвин, застав девушку на кухне.

Ее глаза припухли от слез, но выглядела она прелестно: рыжие прядки завились мягкими локонами, а губы алели как маков цвет.

– Удобная, – тихо сказала она, опустив голову. – Просто... Я не привыкла спать одна.

– А с кем ты... То есть...

Сформулировать вопрос так, чтобы он не казался пошлым, не получалось. Но она поняла.

– С Эмилией, – сказала девушка. – Это третья сестра. Хотя теперь, когда я ушла, вторая. Все бесценные спят в одной комнате, нас пятнадцать сестер.

Значит, с ней постоянно находилось еще четырнадцать человек. Корвин бы вздернулся от такого соседства.

— Как тебя зовут?

На этот раз она ответила:

— Лита.

— Приятно познакомиться, Лита, — обрадованно произнес он.

Вот, явный прогресс!

— Ты мне мстишь, да? — спросила она, подняв на него синие глазища, влажные от близких слез. — Но я не могла по-другому! Если бы я тебя не высекла, отец бы тебя изувечил или даже казнил. Не со зла, конечно, а потому что ты нарушил правила.

— А кто их выдумал, эти правила? — поинтересовался Корвин.

Лита умолкла, размышляя.

— Есть законы, — твердо сказала она. — Их нельзя нарушать.

— Но ты спасла меня. Значит, все-таки можно.

— Видимо, нет, — выпалила она. — Видишь, как я расплачиваюсь? Ты мне всю жизнь испортил!

Заметив за окном движение, Корвин быстро сказал:

— Сюда идет кухарка. Давай для нее ты будешь моей сестренкой. Троюродной. Осталась сироткой, теперь поживешь у меня.

— В общем, так и есть, — мрачно сказала она. — Ты сделал меня сиротой. Лишил меня и будущего, и семьи. Если это не

месть, то зачем ты отрезал мне волосы, а?

– Я ведь говорил, чтоб не узнали... Все, тишина. Прошу тебя не болтать лишнего, если не хочешь, чтобы меня все же казнили.

Лита задумчиво на него посмотрела, будто взвешивая эту мысль, но когда Клара вошла со двора, приветливо улыбнулась. Клара же остановилась и вопросительно посмотрела на Корвина.

– Это сестра, – неловко сказал он, вдруг осознав, что никто ему не поверит.

Сложно найти двух более непохожих людей: он – черный ворон, а она – нежный цветок.

– Я сирота, – вспомнила свою роль Лита.

– Это вообще не мое дело, – решила Клара, проходя в кухню. – Я давно говорила, Корвин, что тебе надо бы завести женщину. Завтрак будешь, сиротка?

– Я бы не отказалась от клубничного пудинга, ломтика меренгового рулета и чашечки цветочного чая, – нежным голосом сообщила Лита.

– Я бы тоже не отказалась, – кивнула Клара. – Но есть овсянка и яйца всмятку. Будешь?

– Буду, – согласилась она. – Меня зовут Лита. А как ваше имя, добрая госпожа?

Клара ухмыльнулась и глянула на Корвина.

– Ты откуда ее приволок? – спросила она, понизив голос.

– Сама же признала – не твое это дело, – печально напом-

НИЛ ОН.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.